

какъ одинъ изъ самыхъ могучихъ и надежныхъ богатырей. Пѣсня говоритъ, что

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова, осударь, Князя Владиміра,
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Три года Никитичъ приворотничалъ.
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ.

Гуляя по улицамъ Кіевскимъ, Добрыня выстрѣлилъ изъ лука по голубямъ, сидѣвшимъ подъ косячатымъ окномъ на теремѣ Марины Игнатьевны.

А вспѣла вѣдь тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла калена стрѣла.

Но поскользнулась его лѣвая нога, дрогнула правая рука, не попалъ онъ въ голубей, а попалъ въ окошко, расшибъ зеркало стекольчатое, пошатнулись бѣлодубовые столы, плеснулись питья медвяныя. Марина умывалась въ это время, сильно разгнѣвалась и, чтобы наказать Добрыню, взяла его слѣды молодецкіе, положила на огонь вмѣстѣ съ дровами и приговаривала, чтобы такъ же разгоралось сердце у Добрыни Никитича. Приговоръ подѣйствовалъ: хлѣба не ѣсть и не спать Добрыня. Рано по утру пошелъ онъ къ заутренѣ и оттуда пошелъ на широкій дворъ къ Маринѣ; тамъ увидѣлъ онъ Змѣя Горынища (слѣдовательно змѣй ожилъ, какъ ту же способность имѣеть и Тугаринъ Змѣевичъ) и

Тутъ ему за бѣду (оби́ду) стало.

Добрыня взбѣжалъ на красное крыльцо, ухватилъ бревно въ охватъ толщины, взбѣжалъ на сѣни косячатыя. Марина и Змѣй подняли брань и угрозы на Добрыню, но Добрыня выхватилъ свою саблю*), и Змѣй побѣжалъ, поджавши хвостъ, не слѣдуя словъ Марины, его удерживавшей. Но Марина въ гнѣвѣ обратила Добрыню въ гнѣдаго

*) Въ пѣсняхъ вездѣ употребляется сабля, а не мечъ; эта замѣна, вѣроятно, слѣдствіе казацкаго вліянія или вообще временъ позднѣйшихъ. Оружіе древнихъ Славянъ было мечъ. Когда Козаре пришли войною на Полянъ и потребовали дани, то Поляне дали отъ дыма мечъ. Не добра эта дань, Князь, сказали своему Князю Козаре, мы деремся оружіемъ острымъ съ одной стороны, т. е. саблями, а ихъ оружіе обоюдо остро, то есть, мечъ. П. С. Р. Л. Т. I. стр. 7.

тура и пустила его далече во чисто поле къ девяти другимъ турамъ, тоже превращеннымъ богатырямъ:

Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.

Пропалъ безъ вѣсти Добрыня Никитичъ; но на пирѣ у Князя Владиміра расхвасталась Марина своей мудростью и разболтала что обратила девять богатырей и десятого Добрыню въ гнѣдыхъ туровъ. Слышали эти рѣчи *похваленныя* и мать Добрыни Афимья Александровна, и крестная мать его Анна Ивановна. Видя горестъ матери и сама раздраженная похвалбою Марины, Анна Ивановна кинулась на Марину, сбила съ ногъ и била, приговаривая, что она мудренѣе ея, что она обернетъ ее сукою.

Женское дѣло прелестивое,
Перелестивое, перепадчивое:

Марина обернулась касаточкой, полетѣла въ чистое поле, сѣла къ Добрынѣ на правый рогъ и говоритъ ему:

Нагулялся ты Добрыня во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило
И зыбучія болота напрокучили.

Хочешь ли жениться, возьмешь ли меня?

А право возьму, ей-богу возьму, отвѣчаетъ Добрыня, да еще дамъ тебѣ поученьице. Обернула Марина Добрыню опять добрымъ молодцомъ, сама обернулась дѣвицею: вѣнчались они вокругъ ракитова куста,—указаніе на языческій обычай, за которымъ слѣдовало (какъ видно изъ пѣсенъ) и настоящее христіанское вѣнчаніе. Добрыня, можетъ быть съ намѣреніемъ, или остается только при одномъ языческомъ обычаѣ, или не спѣшитъ христіанскимъ вѣнчаніемъ.—Пришелъ Добрыня вмѣстѣ съ Мариной въ ея теремъ и говоритъ: Гой еси, моя молодая жена, у тебя въ теремѣ нѣтъ Спасова образа.

Не кому у ты помолитися,

Не за что стѣнамъ поклонитися.

Чай моя острая сабля заржавѣла,

Сказавъ это, началъ Добрыня учить свою жену. Первое ученъе—отрубилъ ей руку, приговаривая; не надобна мнѣ эта рука, трепала она Змѣя Горынчища; потомъ, также приговаривая, отрубилъ ей ногу, наконецъ и голову съ языкомъ, сказавши:

А и эта голова мнѣ ненадобна,
И этотъ языкъ мнѣ ненадобенъ:
Зналъ онъ дѣла еретическія.

Такая строгая казнь, совершенная съ полнымъ спокойствіемъ Добрынею, не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣнь обвиненія въ жестокости. Это обычай всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ, подобный поступокъ лишень злобы и свирѣпости, вытекающихъ уже изъ личнаго ощущенія. Гдѣ постоянно играютъ палицы, копыя и стрѣлы, тамъ главное дѣло подвигъ, а жизнь становится дѣломъ второстепеннымъ, и большаго уваженія къ ней не оказывается. Надобенъ уже личный подвигъ духа, чтобы возвыситься надъ возрѣніемъ, зависимымъ отъ своего времени, — къ истинѣ возрѣнія, независимаго ни отъ какого времени. Добрые и прямые, но часто суровые, богатыри всѣ подчинены своему времени, въ немъ ходятъ и дѣйствуютъ. Одинъ изъ нихъ стоитъ выше всѣхъ ихъ, и по силѣ руки, и по силѣ духа, одинъ возвышается надъ удалымъ временемъ разгула силы физической, одинъ какъ можно рѣже прибѣгаетъ къ ней, одинъ исполнѣ падить жизнь человѣка и исполнѣ благодушенъ и кротокъ— это крестьянинъ, богатырь Илья.

Что поступокъ Добрыни съ Мариною и другіе въ подобномъ родѣ не мѣшаютъ ему быть добрымъ—въ доказательство тому служить пѣсня объ немъ и Васильѣ Казимировичѣ, помѣщенная въ 1 томѣ Московскаго сборника. Въ этой пѣснѣ Великій Князь Владиміръ посылаетъ Василья Казимировича отвезти дани и пошлины къ Батю Царю (позднѣйшая вставка). Батый Царь, не обращая вниманія на принесенныя дани и пошлины, спрашиваетъ у Василья Казимировича: нѣтъ ли съ ними умильна (умѣльна, отъ слова: умѣть) игрока поиграть въ тавлеи вальящатыя. Добрыня садится играть съ Царемъ и скоро выигралъ игру. Тогда Царь Батый предлагаетъ бороться съ его Татарами; Добрыня опять выходитъ; противъ Добрыни три бойца Татарина. «Батый Царь, говоритъ Добрыня, какъ прикажешь ты мнѣ бороться: со всѣми ли вдругъ, или по одиночкѣ?»—Какъ хочешь, такъ и борись, отвѣчаетъ Царь. Добрыня всѣхъ трехъ бросилъ о землю. Тогда Батый предлагаетъ стрѣлять изъ лука. Добрыня опять выходитъ; Батый велитъ принести лукъ, Добрыня натягиваетъ, лукъ ломается, Добрыня требуетъ свой дорожный лукъ. Натянувъ его, онъ спрашиваетъ: «Царь Батый, куда стрѣлять, по Татарамъ или въ чистое поле?» Куда хочешь, отвѣчаетъ Царь. Но если Царю Ба-

тыю все равно, то Добрыня не все равно; ему жалко стало стрѣлять по Татарамъ, и онъ выстрѣлилъ въ чистое поле по дубу. Стрѣла расшибла дубъ;

Еще стрѣла не уходилась,
Залетѣла въ пещеру бѣлокаменную,
Убила змія троеглаваго.
Скочили робята на добрыхъ коней,
Не дали робята ни дави, ни пошлыны;
Уѣзжали робята въ стольный Кіевъ градъ *).

Мы видимъ здѣсь, что Добрыня падить жизнь невѣрныхъ враговъ, хотя самъ ихъ царь даетъ ему позволеніе стрѣлять по нимъ.

Однажды на пиру, во полуириѣ, распотѣшился Владиміръ и сказалъ: не можетъ ли кто изъ богатырей очистить дорогу прямоѣзжую до его любимаго тестя, грозна короля Этмануйла Этмануйловича?— Для этого надобно вырубить Чудь бѣлоглазую, прекротить (укротить или уничтожить) Сорочину долгополую, Черкесь Пятигорскихъ, Калмыковъ съ Татарамъ, всѣхъ Чюкчей и Алюторъ.

Втапору большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему Князю отвѣта нѣтъ.

Изъ скамьи богатырской выступаетъ Добрыня Никитичъ.

Гой еси сударь ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владиміръ Князь!
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ—
Быть передъ Княземъ невольникомъ.
Я сослужу службу дальнюю,
Службу дальнюю, заочную.

Добрыня берется все исполнить, выпиваетъ поднесенную ему чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, и идетъ къ матушкѣ, просить благословенія великаго. Благослови меня, матушка! говоритъ онъ ей:

Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.

Мать говоритъ ему,—какъ хороши ея простыя слова:

*) Московскій сборникъ, 1852 г. т. I стр. 336—341. Слово *робята* не употребляется о богатыряхъ у Кириши Данилова; тамъ оно значить *дѣти*, сыновья. — Слѣдующая пѣсня о Добрынѣ—изъ Сборника К. Д.

На кого покидаешь ты молоду жену,
Молоду Настасью Никулишну?
Зачѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успѣлъ ты отпраздновать радости своей,—
Да передъ княземъ расхвастался въ походъ идтить.

Что же мнѣ дѣлать, и какъ же быть, сударыня матушка, отвѣчаетъ Добрыня; изъ чего же насъ богатырей Князю и жаловать?— Мать даетъ ему свое благословеніе великое. Добрыня идетъ прощаться съ молодой женой:

Жди меня, Настасья! шесть лѣтъ,

говорить онъ ей; не дождешься, — жди двѣнадцать, потомъ иди, хоть за князя, хоть за боярина, —

Не ходи только за брата названнаго,
За молодаго Алешу Поповича.

И поѣхалъ Добрыня. Ѣздитъ недѣлю, Ѣздитъ другую, и дѣлаетъ свое дѣло: рубить Чудь бѣлоглазую, Сорочину долгополую и прочихъ:

Всеякимъ языкамъ спуску нѣтъ.

Совершилъ Добрыня свой подвигъ. Между тѣмъ прошло шесть, потомъ и двѣнадцать лѣтъ; никто на Настасьѣ не сватается. По сватался Великій Князь Владиміръ за Алешу Поповича. Настасья согласилась, и свадьба поѣхала къ вѣнцу. Въѣзжаетъ въ это время Добрыня въ Кіевъ и ѣдетъ по улицамъ: старые люди переговариваютъ между собою:

Знать де полетка соколиная,
Видѣтъ и поѣздка молодецкая:
Что быть Добрынѣ Никитичу.

Приѣхалъ Добрыня на свой дворъ, соскочилъ съ коня, привязалъ его къ дубовому столбу, къ кольцу булатному. Некому встрѣтить Добрыню; стара уже его матушка. Идетъ Добрыня въ свѣтлую гридню, молится Спасову образу, кланяется своей матушкѣ. Здравствуй, сударыня матушка, говоритъ онъ ей.

Въ домѣ ли женушка моя?